

- Сходить в туалет — это значит приспустить штаны, постараться, поднатужиться... — раздался в голове кукольный голос.

- Не шути так, ты же знаешь, что я имею в виду, — беспомощно произнес Янь Хань.

- ...Этот вопрос не входит в список проблем, за решение которых отвечает Система, Сяо У и сама не знает, что тут поделать, эх.

- ...

Изначально ему вовсе не хотелось в туалет, но когда отсутствие места для справления нужды превратилось в столь острую проблему, в его мочевом пузыре внезапно возникли самые настоящие позывы.

Блин!

Вот уж действительно умеешь доставлять мне хлопоты.

- Тогда расскажи мне, как устроен туалет в этой школе, там есть перегородки? — с осторожностью поинтересовался Янь Хань.

- Перегородки есть. — Очевидно, этот вопрос находился в пределах компетенции Системы Всемогущества.

- Фух, — Янь Хань с облегчением выдохнул, подумав, что так сойдет.

Он зайдет внутрь, заперёт дверь, другие его не увидят, и он никого не увидит — замечательно, просто замечательно.

- Перегородки есть, но в самих кабинках нет дверей, — снова добавил Сяо У.

- ...

Янь Хань: «Чегось?!»

- Чтобы ученики не занимались в туалетах запрещенными правилами делами, в туалетах учебного корпуса не ставят дверей.

- ...И в женском туалете тоже всё так строго охраняют?

Простите его за то, что он дожи­ до стольких лет и еще ни разу не видел женского туалета.

Он знал лишь то, что в его прежней школе в мужском туалете дверей не было.

Впрочем, та школа была достаточно обшарпанной, туалет там и вовсе был выгребной ямой, а кабинки разделялись рядами доходивших до пояса деревянных досок — их и сравнивать-то было нельзя со столь элитным учебным заведением.

– Девочки ведь тоже могут прятаться в кабинках, курить и сидеть в телефонах, — пояснил Сяо У.

Янь Хань молча опустил­ ся обратно на свое место.

Если во время урока ученики клевали носами от сонливости, то стоило начаться перемене, как они словно оживали: болтали, сплетничали, шумели, бегали и прыгали по всему классу — в помещении стоял невообразимый гвалт, и лишь редкие одиночки продолжали сидеть за своими партами, усердно занимаясь. Если выйти сейчас, в коридоре наверняка полно народу, а туалеты, должно быть, забиты под завязку.

В их параллели насчитывалось ровно восемнадцать классов: первые восемь были гуманитарными, а остальные десять — естественно-научными. При этом, будь то гуманитарное или естественно-научное направление, чем меньше был номер класса, тем выше считался его статус и тем лучше были общие показатели учеников в учебе.

Будучи провинциальной ключевой старшей школой, Старшая школа Луцзэ славилась отличным контингентом учащихся, но вместе с тем здесь царило огромное давление по поводу поступления в университеты. Конкуренция была невероятно жестокой, а обстановка — суровой с самого первого дня поступления в старшую школу.

Чтобы подстегнуть и мотивировать учеников, а также ради дифференцированного обучения, в начале каждого семестра школа проводила распределительные экзамены, по результатам которых классы формировались заново.

Таким образом, среди естественно-научных классов девятый был лучшим, а восемнадцатый — худшим. Семнадцатый же класс, в котором сейчас находилась Янь Хань, располагался на предпоследнем месте.

Давление было велико, конкуренция — жестокой, но всегда находились те, кому было всё равно, кто вовсе не хотел учиться.

Подобные ученики закономерно оказывались в хвосте распределения по итогам экзаменов.

Однако были и те, кто стремился к успеху и хотел попасть в хорошие классы, но из-за неудачно

сданных экзаменов, неправильных методов учебы или банальной нехватки усердия всё же попадал в отстающие классы. Именно к такой категории людей и относилась Янь Хань.

Согласно ее предыстории, она изо всех сил старалась учиться, но из-за чрезмерной неуверенности в себе и одиночества ее душевные силы истощались от постоянных мук. Ей вечно не хватало ни времени, ни энергии на учебу, из-за чего она в конце концов и угодила в семнадцатый класс.

В этом классе оставалось еще несколько таких же целеустремленных ребят, попавших в отстающий коллектив. Сейчас они сидели за своими партами, уткнувшись в учебники и решая задачи, резко контрастируя с царившим вокруг хаосом.

Янь Хань окинула взглядом обстановку вокруг и внезапно придумала один выход.

Она подобрала свои длинные ноги и, решив ковать железо, пока горячо, принялась за домашнее задание по физике, которое только что задал учитель.

Вскоре началась следующая пара — еще один выносящий мозг предмет, урок математики. Пулхлый учитель математики относился к числу людей, которые предпочитают делать, а не говорить. Едва поднявшись на подиум, он сразу принялся за урок, не тратя времени на пустые слова. Казалось, по характеру он был полной противоположностью классного руководителя с лысиной.

Когда прошло уже двадцать минут урока, Янь Хань внезапно поднял руку и, поднявшись на ноги, произнес:

— Учитель, я хочу в туалет.

Учитель как раз объяснял самую кульминацию темы, переполненный энтузиазмом. Он лишь махнул Янь Ханю рукой, разрешая выйти, и продолжил объяснять материал.

Янь Хань бегом выскочил из класса. В тот момент, когда он закрыл за собой дверь, ему показалось, что воздух в коридоре необычайно свеж, приятен и наполнен ароматом свободы и избавления...

Он направился к туалету в конце коридора.

На каждом этаже учебного корпуса было по одному мужскому и женскому туалету. Они располагались вплотную друг к другу в самом углу в конце коридора.

Это место было немного скрытым от глаз, чтобы увидеть вход, нужно было завернуть за угол. Дверь туалета была приоткрыта. Стоило Янь Ханю завернуть за угол, как он увидел два темных проёма, и в этот момент им овладела внезапная растерянность.

Его первоначальный план заключался в том, чтобы отпроситься с урока во время занятий и дойти до уборной. На этаже находилось четыре-пять классов, а общее число учащихся составляло около двух сотен, поэтому вероятность столкнуться с кем-то и пойти в туалет одновременно казалась крайне низкой.

Всё, что от него требовалось — это тайком проскользнуть внутрь, добежать до самой дальней кабинки и сделать свои дела. Даже если кто-то вдруг зашёл бы следом, ничего бы не заметили. Однако, уже приблизившись к этой двери, Янь Хань почувствовал, что всё обстоит вовсе не так просто, как ему казалось.

Он начал размышлять: всё равно ведь никто не видит, так, может, всё-таки зайти пописать в мужской туалет?

А вдруг в женском кто-то есть?

Если внутри кто-то окажется, он, конечно, мог бы, не снимая штанов, вернуться тем же путём, но что, если он случайно увидит какую-нибудь ученицу?

Как бы он ни нарядился в женскую одежду, чёрт побери, он всё равно оставался мужчиной! Янь Хань чувствовал, что стоит ему только войти туда, как он ничем не будет отличаться от извращенца, который целыми днями прячется в женском туалете и подглядывает.

Хотя он и не интересовался девушками, и его субъективные намерения кардинально отличались, для тех жертв, за которыми подглядывали, всё было бы точно так же.

В чистом и просторном коридоре раздавалось звонкое чтение вслух, лёгкий весенний ветерок залетал в приоткрытые окна, чуть приподнимая края школьных юбок до колен.

Янь Хань стоял как раз посередине между мужским и женским туалетами: налево ведала синяя надпись Мужская уборная, направо — красная Женская уборная. Словно стоя на перепутье собственной жизни, Янь Хань глубоко вздохнул, перевёл взгляд направо и тут же резко отвёл его в сторону.

Да чтоб его!

Ещё мне тут скажи: с одной стороны море, с другой пламя!

Черт побери, да он лучше откажется от этого задания, чем пойдёт в женский туалет!

Подумаешь, смерть!

Янь Хань решительно повернулся налево и, задрав ноги, собрался было влететь внутрь мужского туалета. Система, обладающая всеми мыслимыми и немыслимыми талантами, в тот самый момент, когда осознала его намерения, взвизгнула:

— Не двигайся! Замри! У тебя за спиной кто-то есть!

— ...

Шаги Янь Ханя внезапно оборвались.

За спиной кто-то есть? Неужели кто-то тоже вышел в туалет? Но он же всё время следил за обстановкой вокруг и не слышал ни звука открывающейся двери, ни шагов.

Янь Хань стоял неподвижно, весь оцепенел и не смел оглянуться. Зато теперь позади него наконец послышались шаги, и сзади донёсся ровный мужской голос:

— Одноклассник, что с тобой?

Только тогда Янь Хань обернулся, и его взгляд столкнулся с парой тёмных зрачков.

Он всегда отличался некоторой беспечностью, и хотя у него теперь были воспоминания, принадлежавшие по задумке самому Янь Ханю, он всё же не мог так сразу перезнакомить всех вокруг одноклассников.

Но стоявший перед ним человек был не из их класса, и тем не менее Янь Хань его помнил. Линь Цзяньлу — тот самый крутой отличник, который выручил его на спортивной площадке.

Как показала практика, у красивых людей есть привилегии.

От собеседника исходила странная аура: стоило лишь приблизиться к нему, как возникало ощущение, будто все звуки вокруг затухают, погружая всё в глухую тишину. Не заметить его было просто невозможно.

— Ты как? Нужна помощь? — пока Янь Хань разглядывал парня, Линь Цзяньлу тоже смотрел на него.

— Тебе нездоровится? — с заботой, но не переходя границы приличия, спросил Линь Цзяньлу. На его груди покачивался и ярко блестел значок с надписью «Дисциплина», явно намекавший на то, что прогулы уроков тоже входят в его обязанности.

Янь Хань покачал головой. Он не знал, какую именно часть его маневра успел заметить Линь Цзяньлу, но раз уж тот стоял прямо здесь, а сам он был в юбке, бежать на глазах у старосты в мужской туалет было явно нельзя.

Оставалось по-прежнему два пути: один вел вперед, к женскому туалету, а второй — назад, в сторону классов.

Под взглядом Линь Цзяньлу Янь Хань замер в нерешительности. Он с таким трудом отпросился с урока и не хотел упускать эту возможность, но и стоять здесь столбом перед Линь Цзяньлу тоже было нельзя. Может, шмыгнуть в женский туалет и переждать немного?

Янь Хань резко вспомнил планировку помещения, которую разглядел сквозь внешнюю дверь уборной.

Снаружи располагалась раковина для умывания, а сама уборная находилась в дальней комнатке. Он мог зайти, запереть дверь и переждать в предбаннике, пока Линь Цзяньлу уйдет, а заодно разведать обстановку — и когда никого не будет, тихонько проскользнуть в мужской туалет...

В мгновение ока Янь Хань решил, что этот план вполне жизнеспособен. Дверь во внутреннюю часть туалета была плотно закрыта, так что внешнее пространство вполне можно считать

изолированным, и его захода туда никто зазорного не усмотрит.

Утвердив план действий, Янь Хань улыбнулся Линь Цзяньлу и только было собрался рвануть в женский туалет, как из коридора раздался резкий скрип. Судя по торопливым шагам, кто-то бежал сюда в две пары ног.

— Ой, у меня бретелька порвалась, помощи взглянуть! — шепотом произнесла одна ученица.

— Ты из-за этого попросила меня выйти с тобой? Как она вообще могла порваться? — отозвался второй женский голос.

— Не знаю, наверное, плохо застегнула, давай быстрее в туалет...

Две девочки бежали вперед, причем одна из них прикрывала грудь рукой. Из-за слепой зоны они поначалу не заметили двоих стоявших у туалета в самом конце коридора.

Конечно, никто и подумать не мог, что посреди урока возле уборной будут стоять двое, да еще и так близко друг к другу. С точки зрения приближавшихся школьниц был виден лишь массивный мужской силуэт со спины.

А тот, кто стоял перед ним, оказался наглухо загорожен.

Лишь уголок развевающейся юбки позволял догадаться, что это была ученица.

— Ай! — тихо вскрикнула одна из девочек.

Она все же помнила, что во время урока никому не дозволено орать и шуметь в коридорах.

Но этот испуганный вскрик и только что услышанный шепот двух подруг долетели до ушей стоявших у туалета и «смотревших друг на друга полными страсти глазами» ребят.

Линь Цзяньлу обернулся, являя миру свое лицо, и заодно открыл взглядом Янь Ханя.

Испуганный возглас тут же перешел на два голоса.

— Л-л-линь Цзяньлу... О боже! — у девушки, прикрывавшей грудь, лицо мгновенно залилось ярчайшей краской. В нынешние времена говорить при парнях о порванных бретельках было еще куда ни шло, но перед ней стоял сам Линь Цзяньлу!

Она же была преданной фанаткой его фан-клуба!

И все же... Э? Странно.

Кто эта девчонка напротив Линь Цзяньлу? Почему они стоят у входа в туалет и при этом так близко...

Разминувшись с ними и наконец разглядев лицо стоявшей перед Линь Цзяньлу особы, школьница застыла в изумлении, напрочь забыв про неловкость и стыд.

Из-за угла обзора, когда она резко вывернула из-за поворота, ей на секунду показалось, что лица Линь Цзяньлу и той девчонки соприкасаются, словно они... целуются.

Но как такое возможно! Это же Линь Цзяньлу! У ее кумира брезгливость доходила до мании, он отроду ни с кем не сближался настолько! Наверняка она просто напридумывала лишнего!

...

Испуганная ученица все еще пребывала в шоке. Винить стоило лишь невероятную красоту незнакомки, стоявшей напротив кумира, из-за чего у девушки на мгновение возникло иллюзорное ощущение, что столь потрясающая внешность вполне достойна ее божественного айдола...

Янь Хань: «...»

Наблюдая, как одна из учениц, едва заведя его, застыла с лицом человека, увидевшего призрака, после чего вторая тут же втащила ее в женский туалет, Янь Хань еще не до конца осознавал, какой именно ужас он только что внушил окружающим.

Сейчас он отчетливо чувствовал лишь одно: его надежды рухнули с такой же силой, с какой только что захлопнулась тяжелая дверь уборной.

Встретившись взглядом с Линь Цзяньлу, он подумал: а вдруг эти девчонки собираются приводить в порядок свое белье именно в предбаннике? В таком случае заходить туда было нельзя ни при каких обстоятельствах...

Хотя, стоп!

Не слишком ли долго Линь Цзяньлу сверлит его взглядом? К тому же его глаза неотрывно устремлены...

Проследив за траекторией взгляда Линь Цзяньлу и опустив глаза, Янь Хань уставился на собственную плоскую, ровную, как взлетная полоса, грудь.

...

Он вообще-то мужчина, откуда у него взяться груди.

К счастью, на дворе стояли холода, одежды на нем было надето с избытком, так что выглядело всё не слишком плоско, по крайней мере, до сих пор никто ничего не замечал...

Так на что же этот парень пялится?!

...

У Янь Ханя чуть сердечко в пятки не ушло.

Линь Цзяньлу — школьный инспектор по дисциплине, причем крайне усердный, появляющийся везде, где что-то случается. Если он вдруг раскусит его истинную личину...

Неужели в самый первый день Янь-гэ погорит на этом?!

Янь Хань приказал себе успокоиться.

Он рассудил, что девчонки в таком возрасте вполне могут еще не до конца сформироваться. На нем надето столько вещей, так что со стороны это выглядит максимум плоско, вряд ли у кого-то возникнут подозрения, что на самом деле он никакой не девчонок.

И точно... разве не было навыков от Системы? Разве не говорилось, что они не позволяют окружающим заметить его аномалии по внешнему виду?

[Э-э... Навыки Высшая Красота и Нежная плоть вовсе не обладают функцией маскировки груди], — Сяо У вовремя подал голос, разрушая розовые мечты Янь Ханя.

Янь Хань: «...»

[Это касается только лица и кожи! А вот такие мужские особенности, которые не скрыть — вроде конечностей или кадыка, — претерпевают соответствующие изменения. Но грудь и член хозяина находятся вне нашей юрисдикции, уж извините!]

«...»

Погодите, разве сейчас время для подобных обсуждений?

Ощущая тяжелую ауру хозяина, Сяо У, хоть и не понимал причину его гнева, все же постарался предложить выход:

[Если хозяин пожелает, Сяо У может подать заявку на навык смены пола, чтобы раз и навсегда избавиться от всех мужских признаков...]

Янь Хань взревел:

— Катись!

Свирепо выдохнув, Янь Хань изо всех сил постарался вжиться в роль.

Раньше, от нечего делать болтаясь в салоне и наблюдая с тамошними мастерицами по мытью волос за всякими глупыми мыльными операми, он навидался всякого. В этот момент в него словно вселилось вдохновение: подражая только что пронесшейся мимо девчонке, Янь Хань резким движением вскинул руки, закрывая грудь.

Вот только он был парнем грубоватым и прямолинейным, так что никакая актерская игра не могла скрыть его дикую натуру —

Не рассчитав усилий, он смачно хлопнул себя по груди с громким стуком и, начисто лишенный всякой хрупкой женственной утонченности, рявкнул:

— Эй! Ты чего пялишься? Извращенец!

...

Хватило ума хотя бы голос немного проконтролировать.

<http://bllate.org/book/24413/2851813>